

**ГЕОРГИЙ КАЛМЫКОВ,
ВИКТОР ФИЛИПЕНКО**

ЛИЧНО ДРУГУ

Очерк

1.

Председатель колхоза Фролов, когда к нему зашел Гринько, уже натягивал дождевик, который шелестел, будто был сшит из жести.

— Здравствуйте, Максим Александрович.

— Привет, привет, дорогой.— Расправив полы дождевика, Фролов провел ладонью по бугристой, выбритой до блеска голове и спросил:

— Поедешь со мной на механизированный птичник? Звонила старшая. Нужна квалифицированная помощь. Надо разобраться, а то ведь стыд: у председателя в кармане диплом инженера, а механизация хромает. Оттуда махнем в мастерские, посмотрим, как тракторы-плуги ремонтируют. Поедешь?

— Поеду.

— Тогда в машину.

Ехали молча. Каждый думал о своем. Это томительное молчание надоело Максиму Александровичу:

— Вызывают?— буркнул Фролов.

— Вызывают, Максим Александрович.

— Да какого черта ты молчишь?— крикнул председатель.— Что ты думаешь, там с тобой цацкаться станут? Не за этим вызывают.

— Знаю, что не за этим...

Гринько не считал себя опытным партийным работником, может быть, поэтому он всегда критически относился к тому, что делал и что уже сделал, ему хотелось большего и лучшего.

Прошло два года, как Гринько стал секретарем крупной партийной организации. Они многое дали ему для возмужания как партийного руководителя, а главное он понял людей, полюбил их, и они платили ему той же мерой.

Перед птичником Фролов опять спросил:

— Значит, вызывают?

— Вызывают.

— Дам тебе один совет. Ты ведь в сыновья мне годишься, вот и слушай. Если уверен, что прав,— стой на своем. Раз вильнешь перед совестью, за всю жизнь не исправишь. Так и будешь вилять, попомни мое слово, а дорога у тебя длинная-преддлинная.— И после паузы сгрустью добавил.— Не то что я, взошел уже на последний перевал.

«Газик» резко тормознул у птичника.

2.

— На бюро надо приструнить еще одного вольнодумца,— первый секретарь Речного райкома Дмитрий Павлович Меринов довольно потер руки.— Секретарь парткома колхоза «Восточный» моду завел делать все, что вздумается.

— Похоже, ты радуешься. — Лидия Степановна поставила на стол тарелку с дымящимся борщом. На красноватой с золотистыми бликами жидкости плавала ярко-алая перчина.

— Радуешься? Хм-м. Не то слово, дражайшая моя половина. В данный момент самоуправство со стороны коммуниста недопустимо. Этак можно и райком побоку,— делай, что в голову взбредет. А линия партии для кого?— Дмитрий Павлович поднял на уровень своего вислого, тонкого носа указательный палец, поводит им из стороны в сторону.— Не допустим! Это—рецидив в хозяйственной политике.

— Какой там рецидив,— возразила Лидия Степановна. — Я ведь два дня, как была в этом колхозе, и ни о каком самоуправстве со стороны Гринько не слышала.

— Где тебе,— с насмешкой произнес Меринов.— В литературе ты кое-что еще смыслишь, а в сельском хозяйстве, извини меня, ты профан.

Лидия Степановна словно не услышала обидной фразы, продолжала, не повышая голоса:

— Районная библиотека посылала меня проверить работу колхозной. Туда приходят люди, разбирающиеся и в сельском хозяйстве, и в хозяйственной

политике, словом, сведущие люди. Они никакого самоуправства в делах и поступках Гринько не видят.

Меринов поперхнулся борщом. Откашлялся. Полуобернувшись, он вкрадчиво спросил:

— А чего это вдруг ты стала интересоваться Гринько?

— Да я вовсе не собиралась интересоваться.— Лидия Степановна подошла к столу.— Просто в разговоре с колхозниками коснулись, как говорят, острой темы...

Меринов обсасывал баранью кость. Он не дал договорить жене:

— Нечего тебе касаться того, что в данный момент вас не касается.

— Кого это вас? Не хочешь ли ты сказать, рядовых коммунистов?

— Нет, я имею в виду всяких там общественных библиотекарей. Мы и без их подсказки разберемся что к чему. Я получил ясную директиву от секретаря обкома — «поправить».

— Митя, этот разговор проходил не в моем присутствии, но, мне кажется, секретарь не так сказал. Видимо, «разобраться и поправить»,— подчеркнула жена.

— Хватит, Лида. Бюро все решит, а коммунисты колхоза поддержат.

— Ой ли? Ты уверен?

— А почему и нет? Гляди в корень — самоуправство есть — есть, а остальное все, что привело к нему, всякие там оправдания — это в данный момент дело десятое.

— Ты рассуждаешь так, словно не было последних съездов.

Меринов поднялся, бледнея, он крепко стукнул ладонью по столу. Раздался звон посуды.

— Ну знаешь что, уважаемая,— ты говори, да не заговаривайся.

— Не горячись, Митя,— Лидия Степановна подошла к нему, обняла за плечи,— не горячись, Митя,— повторила она. Сейчас не так судят о делах, как в те времена. А ты не обижайся, ради бога, ты остался все тот же.

— Спасибо за урок политграмоты,— Меринов резко поднялся.— Только учти: в

данный момент разберемся как-нибудь в своем партийном хозяйстве без сотрудников библиотеки.

— Оно и мое, Митя, как и любого коммуниста.

— Э, довольно! — резким движением плеч скинул руки жены, с грохотом отодвинул стул,— вечно с такими разговорами, что аппетит пропадает.

— Аппетит, Митя, что, аппетит вернется. А вот уважение людей потеряешь,— начала было жена, но Дмитрий Павлович быстро вышел из комнаты.

3.

Яценко держал путь в бригаду дойного гурта, к Сергею Платоновичу Безбородько. Обстоятельства, сложившиеся у животноводов, позвали корреспондента в дорогу.

До бригады колхоза, где находилась ферма, добрался почти к полудню. Встретил скотника Сергея Платоновича. Они сели на скамейку у ворот.

Яценко с Сергеем Платоновичем старые знакомые. Случай свел их на отгонных пастбищах Черных земель, где Петр Мартынович был в командировке по заданию редакции, а Безбородько занимался заготовкой сена. Его бригада завоевала первенство в соревновании, и Яценко писал о ней очерк.

Вот и сейчас Яценко собирается писать о животноводах фермы Безбородько, не зная еще, что Сергей Платонович уже не бригадир дойного гурта.

Яценко рассказал о задании редакции.

— Опоздали, Петр Мартынович. Не командую я больше животноводами.

— Как так?

— Рядовой скотник.

— Это почему же?— удивление выразилось на лице корреспондента.

— А чему вы удивляетесь? — развел руками Безбородько.— Не думали меня встретить в роли пастуха?— Он смачно плюнул и потушил окурок. Яценко признался, что действительно не ожидал увидеть Сергея Платоновича в этой роли.

— Да-а,— Сергей Платонович кинул на Яценко хитроватый взгляд прищуренных зеленоватых глаз, улыбнулся в свои «шевченковские» усы.— Вроде и рассказывать не о чем. Как-то однажды, после вечерней дойки, когда мои девчата управились и разошлись кто куда, сел я и задумался. И пришла мне в голову такая думка: «Ну, чего ты, Сергей, сидишь в бригадирах? Кого ты проверяешь, кого ты работать заставляешь? Ты посмотри, кто сейчас на ферме?» И стал я перебирать имена доярок и скотников. Клава с Галей десять классов закончили, скотник Иван — коммунист, на втором курсе техникума, а телятница Соня, та вообще все сто очков вперед дала — на третьем курсе сельскохозяйственного института. «Вот ты, Сергей, на три дня ездил в город, что изменилось? Стало меньше молока? Нет. В помещении грязно? Нет. Пала скотина? Нет. А в отпуск ушел? Тоже ничего не стряслось. Так какой же бригадир нужен этим людям? Какой им нужен контроль, если у них самый главный контролер — их совесть».

И вот, знаете, влезла мне такая думка в голову и так засела, что и вилами ее оттуда не выковыряешь. Думал я, думал, не одну, пожалуй, ночь с сигаркой провел, да и пошел к своему партийному секретарю. Так и так, говорю, отжила моя должность. Он сначала махнул рукой, мол, блажишь, старина. А когда я стал ему рассказывать о том, что мне спать не дает, он прислушался.

— Посоветуемся,— пообещал.

Посоветовались и видят: я прав. Спросили, куда хочу пойти работать. Я и говорю: «Скотником, или, как у вас называют, гуртоправом, начинал я в колхозе, туда и вернусь». Уважили...

Сергей Платонович закурил. Голубоватый дымок полез кверху.

— Недавно наведывался на ферму. Дела идут любо-дорого. Лучшая ферма.

— Сергей Платонович, — обрадовался Яценко,— так это же не материал, а клад. Я об этом немедленно напишу.

— Ну, вам виднее,— Безбородько улыбнулся.— Вы еще и вот о чем

напишите.

— О чем?

— О нашем секретаре, о Гринько...

— А что?— насторожился Яценко.

— Это долгая беседа. Солнце добре начинает припекать. Пойдем в тень, расскажу... А может быть, зайдем ко мне, холодного молочка из погреба попьем, а?

— С удовольствием.

— От и добре, там и побалакаем.

4.

Дмитрий Павлович засмотрелся в окно. Осень властвовала вовсю: в парке, что раскинулся прямо против окон райкома партии, она особенно чувствовалась. Падали, кружась, пожелтевшие листья, хмурым стало небо. «Еще один год минул», — ему стало грустно.

Еще раз взглянув в окно, Меринов вернулся к столу.

— Покурили? — он чуть улыбнулся, окидывая взглядом членов бюро.

Высокий, сухопарый заворг Владимир Петрович Фенев кивнул в ответ головой, второй секретарь, не по годам грузный, с полными, бесцветными, чуть обвисшими щеками, Ефим Денисович Сухомлинов кашлянул, словно подтверждая свою готовность работать дальше. Хусин Магомедович Зулкарнаев и секретарь райкома комсомола Саша Щекин молча направились к столу. Все задвигали стульями, усаживаясь.

Шло очередное заседание бюро Речного райкома партии. Оставалось обсудить, как было записано в повестке дня: «Непартийное поведение секретаря парткома колхоза «Восточный» Гринько».

Федор Анатольевич легко приоткрыл обитую коричневым дерматином дверь и прошел к столу. Многие присутствовавшие на бюро хорошо знали Гринько — он выделялся своей внешностью: рослый, атлетически сложенный, на голове копна волос. Лицо открытое, выражает мужественное спокойствие, и все же через степной загар чуть-чуть проступала бледность. О Гринько говорили: серьезен, умеет быть открытым с

людьми и в хозяйственных делах разбирается. А некоторые видели его другим — властолюбивым, непочтительным к старшим.

Федор Анатольевич не раз бывал в этой комнате. Ему тут знакомо все: и массивный прибор из серого мрамора, и цвет полумягких кресел, и тиканье старомодных часов. Но сегодня знакомое стало далеким — робость взяла. На его шее слева, прямо над воротником белой рубашки — он всегда одевался во все праздничное, когда шел в райком,— билась под кожей жилка.

— Садитесь, Федор Анатольевич,— глухо раздался тоже знакомый голос. Меринов провел по губам языком.

— Расскажите, как дошли до такой жизни?

— И рассказывать-то, собственно, нечего.

— Да ты встань, встань, на бюро находишься...

Щеки Федора Анатольевича залил густой румянец. Наступило молчание, послышался еле уловимый шепот.

— Суть настоящего дела такова,— начал Гринько.

Снова стало тихо.

...— При рассмотрении структуры посевных площадей я внес предложение сократить посеvy кукурузы и некоторых других нерентабельных культур, а на освободившейся земле разместить однолетние и многолетние травы. Они дадут за два укоса, если для них выделить мочаки, то есть те земли, где сейчас кукурузу сеем, по 400—500 центнеров зеленой массы с гектара. Кукуруза жалуется нам по 40 — 60 центнеров. Я занимался подсчетом кормовых единиц: посеvy трав восполнят дефицит в белках, в которых наше животноводство...

Меринов не дал Гринько высказать своей мысли:

— Вот полюбуйтесь, товарищи члены бюро: Гринько в колхозе и агроном, и зоотехник, скоро экономистом станет. Он один все подсчитал, все решил, а райком...

— Дайте ему договорить,— раздался голос,— он дельно толкует...

— Дельно... а мы,— вскипел Меринов,— собственно, продолжай...

— Я не решал один, Дмитрий Павлович. Состоялись заседание парткома, партийное собрание,— это, во-первых. Во-вторых, кому запрещено заниматься подсчетами?

— Продолжай, Гринько,— негромко сказал кто-то.

Меринов не ожидал, что к объяснению Гринько будет особенный, повышенный интерес у членов бюро. Он понял, что допущена тактическая ошибка: нужно было, чтоб Фенев доложил, а Гринько пусть бы оправдывался. Исправлять было поздно.

Гринько продолжал свою речь:

...— Какую выгоду сулит нам сокращение посевов кукурузы? Мы можем приступить к выработке устойчивой структуры посевных площадей — раз, внедрению севооборотов — два, серьезно повести разговор о внутривозвращенной специализации — три. При этом предусматривается значительный рост производства зерна для продажи государству. Вот и все.— Гринько сел на стул.

— Далеко не все. — Меринов смотрел округлившимися злыми глазами на заворга Фенева. Он будто говорит ему: «Твоя выдумка первым слушать Гринько. Теперь вставай и докажи, что этот выскочка неправ».

— Тут товарищ Гринько, — начал Фенев,— выдал себя за новатора, а работников райкома превратил в консерваторов.

— Правильно,— подтвердил Меринов.

...— При этом он упустил одну маленькую, но существенную деталь, а именно: с его предложением не согласны специалисты. Может ли бюро игнорировать их авторитетное мнение? Не может! Главный агроном колхоза Губасов восстал против решений парткома и собрания, навязанных им товарищем Гринько, и обратился в райком за помощью. Я был в колхозе, беседовал с Губасовым, с некоторыми коммунистами. Все подтверждают, что у них были севообороты, а

Гринько их не видел. Выходит, специалисты дураки, в райкоме тоже недалекие люди, а он, видите ли, бога за бороду схватил...

Часы отбили восемь. В кабинете стало душно и шумно.

— Я категорически возражаю против доводов Гринько об увеличении производства зерна. Откуда оно может взяться, если не будет кукурузы? Кукуруза наш резерв, за кукурузу с нас спросит партия. А потом, товарищи члены бюро, куда ведет нас Гринько? Назад, к травопольщине!

Слушая Фенева, Дмитрий Павлович кивал головой в знак согласия с заворгом, а сам, того не замечая, думал о перспективе развития колхоза, которую нарисовал в своем выступлении Гринько. От нее веяло новизной и смелым подходом к решению коренных вопросов сельского хозяйства. «Сократить посевы кукурузы, развести травы,— размышлял Меринов,— создать крупные специализированные фермы, бригады,— все это в какой-то степени правильно и с точки зрения стабилизации растениеводства, и подъема продуктивности животноводства. Но кто об этом говорит? Гринько, а кто он? Секретарь ЦК? Выскочка, вот кто! Нерентабельные культуры... Да, их много в районе. Скажем, горох. Только в колхозе «Восточный» он занимает 300 гектаров лучшей земли, а отдача? Ее нет». И вдруг слух секретаря райкома резанули слова:

...— В суждениях товарища Гринько нет ничего партийного. Я утверждаю,— кричал Фенев,— секретарь парткома колхоза «Восточный» не в состоянии понять требований текущего момента...

«О, чертяка, наповал убил»,— в душе похвалил Фенева Дмитрий Павлович.

Председатель райисполкома Зулкарнаев сидел рядом с Мериновым. Обычно он активно участвовал в обсуждении вопросов, а сегодня молчал. Когда сел Фенев, он поднялся.

— Ты, Владимир Петрович, — обращаясь к заворгу,— громкими словами тут говорил, но я не верю им, они не убедили меня. А Гринько говорил убедительно, ему я верю. Ты хоть

беседовал с ним до бюро, сам разобрался в том, о чем говорил Федор Анатольевич?

Меринов не ожидал такого вопроса, да еще от Зулкарнаева.

— Хусим Магометович, — раздраженно, как и прежде, заговорил Меринов,— мы обсуждаем Гринько, но не Фенева. Есть к Гринько вопросы?

— Разрешите? — поднялся Федор Анатольевич.— Беседы у нас с Феневым не было...

Фенев не выдержал:

— О чем нужно было беседовать, и так все ясно.

— Фенев тут говорил, что против моего предложения восстали специалисты,— продолжал Гринько.— Не знаю, кого он имел в виду, если Губасова, то верно. Он был против, причем в единственном лице, и что он опротестовал решение, всем коммунистам колхоза тоже известно. Больше того, на собрании его резко критиковали за низкую культуру земледелия, и наш партком непременно обсудит этот вопрос на своем заседании.

— Довольно! — вскипел Меринов.— Вот видите, видите, товарищи члены бюро. Человек пожаловался в райком и его уже обсуждать. Кто хочет выступить в данный момент?

— Что тут высказываться, — прищелкнул языком Сухомлинов,— все ясно. Вот передо мной подсчеты Гринько, список так называемых нерентабельных культур. И удивительное дело: он предлагает сократить посевы кукурузы, исключить из севооборота горох... Кто нас поймет в верхах? Нет, товарищи, это партизанщина!

Поднялся Зулкарнаев. Чуть подавшись вперед, он мгновение стоял неподвижно. Свою речь начал негромко:

— Персональное дело Гринько,— которое, прямо скажем, состряпано Феневым, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Я постараюсь раскрыть их. — Зулкарнаев глянул на Гринько, окинул взором присутствующих.— В чем состоит вина Федора Анатольевича? Ее нет, этой вины. Он правильно ставит вопрос о пересмотре структуры посевных площадей, надо

сделать чистку наших полей, ввести настоящие севообороты с травами, с черными парами. Фенев тут говорил, что якобы в колхозе «Восточный» есть севообороты, это неправда! Ни в одном хозяйстве района нет научно обоснованных севооборотов. Мы закрываем глаза и на другие факты; а если прямо сказать, врем в сводках: разве в колхозе «Кубанский» было в этом году 1500 гектаров кукурузы? Максимум тысяча, остальную площадь занимал овес. Чтобы не видело начальство, его сеют в середине кукурузных полей — это факт! Следовательно, нам надо серьезно заняться культурой земледелия, и первое слово об этом сказал Гринько, в этом ценность его предложения, его, я скажу, смелость, которой не хватает у многих из нас.

Несколько слов о второй стороне настоящего дела. Мы много говорим об инициативе снизу, призываем проявлять ее, трубим о самостоятельности в решении хозяйственных вопросов, а сами обсуждаем персональные дела. Это ли не демагогия?..

В зале стало шумно. Кто-то громко сказал: «Слишком смело хватил», другой спросил: «Что с ним?» Меринов бесцеремонно прервал Зулкарнаева и не столько саркастически, сколько начальственно произнес нараспев:

— Создается впечатление, товарищи, будто уважаемый Хусин Магометович выступает с трибуны Пленума ЦК. Скажу вам авторитетно, — Дмитрий Павлович понизил голос, — там таких выступлений не бывало. Мне кажется, товарищ Зулкарнаев до сих пор не разобрался ни в сущности обсуждаемого вопроса, ни в его политической значимости, — Меринов сделал паузу. — Разъясняю вам, Хусин Магометович, в данный момент ты находишься на бюро районного комитета партии и тебе, председателю райисполкома, трудно разобраться в системе сельскохозяйственного планирования. Другое дело, благоустройство или работа коммунальных предприятий. Не сомневаюсь, тут ты оказался бы на высоте. Кто хочет еще высказаться?

Больно и обидно было слушать слова Меринова. Зулкарнаев с трудом

сдерживал гнев.

Он понимал, что если ему продолжить выступление, получится скандал. В зале воцарилась неловкая пауза, и каждый думал о своем.

— Нет желающих? — переспросил секретарь райкома. — Тогда разрешите мне. — Он взял в руки листок бумаги, на котором вкривь и вкось были написаны фразы, тут же рядом с ними соседствовали кубики, квадратики, и трудно было поверить, что это был план заключительной речи товарища Меринова. — Я не стану говорить о предыстории дела Гринько. Оно всем ясно. Остается, товарищи, дать политическую оценку ему. Но прежде я должен сообщить и другое. — Меринов снял очки в золотой оправе и эффектно покрутил ими. — Вам известно, товарищи члены бюро, что, до того как Гринько избрали секретарем парткома, он жил в отдаленной пятой бригаде, а теперь — на центральной усадьбе. Райком предлагал ему переселиться в агрогородок, который строит колхоз, не захотел. И здесь умолчал об этом. Я понимаю планы Гринько: «Переселюсь поближе к районному центру, пройдет время, меня переизберут, но квартира останется».

— Чепуха! — не удержался Гринько.

— Спокойнее, товарищ Гринько. Мы еще предоставим вам слово. — Меринов надел очки. — Личное благополучие превыше партийного? Ясно. Вот откуда такое отношение к земле колхозной. Вам наплевать и на то, как будут выполняться планы, и на директивы, на все... Прожектерством оно, конечно, легче заниматься. Теперь мы все это объединим вместе, потому что это звенья одной цепочки. Пойди, посиди в приемной, подумай, еще раз проанализируй. Мы тебя пригласим.

За Гринько неслышно закрылась дверь...

— Что будем делать, товарищи? — Меринов обвел взглядом членов бюро. — Такой человек не может быть секретарем, все ясно.

— Ничего не ясно. Слушал я вас и удивлялся, — развел руками Хусин

Магометович. - Ведь вы же знаете, что агрогородок еще не готов. Есть несколько домов, где живут животноводы, но нет ни школы, ни магазина, ни больницы. Электросвет не проведен, водопровод не сделан.

— Ишь ты, на трудности сваливаете, трудностей испугались, — прервал Меринов.— Вот пусть Гринько едет туда жить, торопит строительство, преодолевает эти трудности. А как же иначе? А вообще, товарищ Зулкарнаев, ты говори, да не заговаривайся, на бюро все-таки находишься, а не на профсоюзном собрании. Придет время и вас обсудим, если заработаете. Ты что, не согласен с нашим мнением?

— В корне.

— Ты куда же гнешь, товарищ Зулкарнаев?— Фенев провел рукой по столу, словно старался разглядеть бумаги, лежащие на нем. — Противопоставляешь себя бюро? Шашни-машни с Гринько, а теперь принципиальности не хватает...

— У меня принципиальности хватало всегда, даже в тридцать седьмом... Вы вот, Владимир Петрович, сказали, что во время поездки в колхоз вам не удалось побеседовать с Гринько, но, мол, не это главное... А по-моему, главное именно это. Побеседовать по душам, дома побывать...

— Может, чай распивать?— ехидно прищурил глаза Фенев.

— И то не грешно. Чтобы человека узнать, надо ему не только директивы давать да выполнение плана спрашивать, но и не одну тарелку борща с ним съесть.

— Я согласен с Хусином Магометовичем,— поддержал Щекин.— Мы же решаем судьбу не оловянного солдатика, а человека. В душу ему надо заглянуть...

— Ну, это ты, Щекин, хватил,— перебил его Меринов.— Душа, лирика и другая мерехлюндия пусть останутся поэтам, а нам в данный момент надо решать. Будем кончать с этим вопросом. Есть такое мнение — если Гринько осознает свою ошибку, ограничиться обсуждением, не признает — не можем держать такого секретаря.

— Другого выхода нет,— поддакнул

Фенев.

— Конечно,— Сухомлинов не поднял глаз от бумаг.

— Я против! — резко бросил Фролов.

— Я тоже!— Щекин густо покраснел под цепким взглядом Меринова.

...Когда Гринько зашел, Дмитрий Павлович спросил:

— Осознал?

— Не вижу своей вины.

— Тогда так,— Меринов мгновение подумал. В этот момент он напоминал купальщика, готовящегося головой вниз броситься в реку, в которой ни разу не купался,— Тогда так,— повторил он,— есть предложение объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку и освободить от обязанностей секретаря парткома колхоза. А правлению колхоза, партийной организации предложить прекратить всякие прожекты с землей.

Гринько невольно схватился рукой за спинку стула, до боли в пальцах сжал ее.

— Кто за это? — Меринов остановил взгляд на Зулкарнаеве и Щекине.— Вы по-прежнему против?

— Против,— ответил Щекин. Зулкарнаев только кивнул головой.

— Большинство «за». Ты свободен, Гринько.

5.

Яценко, приоткрыв дверь, просунул в образовавшуюся щель голову:

— Дозвольте, товарищ секретарь?

— Чего там?— Меринов поднял голову от бумаг, мгновение удивленно смотрел на Яценко, потом словно подброшенный, кинулся к двери. — Петька, чертяка! Откуда ты?

Они крепко обнялись.

— Здорово, старик, здорово!— Петр Мартынович слегка отстранил от себя Меринова.— Дай-ка взглянуть на тебя. Ишь ты, распух на секретарских харчах. Брюхо растет. Ходишь мало, Дмитрий, телефоны да личные машины нагоняют на тебя вес.

— А ты все такой же, сухой, как щепка.

— Толстеть некогда. Пешочком по

степи от фермы к ферме, от бригады к бригаде.

— Проходи, садись, рассказывай, как дела, как живешь, как дома?

— Да что? Все без перемен. Славка растет, в будущем году будет получать аттестат зрелости, а это значит, что мы с Тоней стареем...

— Глаголом жжешь сердца людей? — подмигнул Меринов.

— Не совсем глаголом, и не совсем жжем.

— Стоп, что это я заговорился! Ты надолго? Ну надолго — не надолго, а у меня переночуешь. Решено и никаких отговоров.

— Что с тобой поделаешь, — улыбнулся Яценко.

— Сейчас я предупрежу благоверную. — Меринов снял телефонную трубку. — Квартиру... Квартира? Лида? Ты знаешь, кто у нас сегодня будет? Ни за что не отгадаешь и не пытайся. Нет, нет, говорю и не пытайся. Вот так. Петро будет. Какой Петро? А тот, что опусы всякие в газету пишет да нашего брата критикует. Какие там шутки? Сидит вот у меня в кабинете. Что? Ну, знаешь... Поцелуй — это ты брось... Я начинаю ревновать. Часиков в семь будем. Договорились. — Дмитрий Павлович положил трубку, улыбнулся. — Обрадовалась, обещает пельменями угостить. Везет тебе, брат. Меня жена никогда пельменями не балует, а ты не успел появиться, как тут тебе и пельмени. Счастливчик.

— Пельмени, Митя, конечно, дело стоящее, и мы им жару дадим. Но это вечером. Я к тебе по делу Гринько.

— А чего такое? — насторожился Меринов.

— Что там за возня вокруг этого секретаря?

— Ну, ну, ты хоть и друг мне, а выражения выбирай поаккуратней. Райком никогда возней не занимался.

— Извини за глупое словцо.

— То-то же...

— Так что все-таки с ним?

— Вчера бюро было...

— Ну и...

— Ну и сняли с работы такого

секретаря.

— Как сняли? — опешил Яценко.

— А так... За прожекторство, за отрыв от масс...

— Подожди, подожди, Митя. Какое прожекторство, какой отрыв?

— Ну что ты горячишься? — успокаивающе произнес Меринов. — Человек возмнил из себя великого агронома-новатора, ну и побоку установившуюся структуру посевных площадей, пошел на сокращение посевов кукурузы и других, как он выразился, нерентабельных культур.

— Что же тут плохого?

— Как что? — Да ведь это подрыв линии партии, это анархия, самоуправство...

— Я понимаю тебя, Дмитрий Павлович, — усаживаясь на диван, проговорил Яценко. — Когда сделал ошибку сам, ее легко признать и исправить, но, когда втянул и других, извини, — это уже большой промах. Его и исправить трудней. Но надо.

— Не понимаю, Петр, твоего намек: с каких это пор работники газеты стали учить секретарей что им делать. Не думают ли журналисты стать надстройкой над райкомами?..

— Над партией, — иронически добавил Яценко. — Не надо громких фраз, Митя, ты отлично знаешь — если потребуют интересы партии, газета выступит и против работников райкома, поправит их.

Дмитрий Павлович не вытерпел:

— Знаешь, Петр! Как друга, я тебя уважаю, как журналиста — нет, более — презираю...

— Спасибо за откровенность.

— ...Вы циники, — Меринов вышел из-за стола и принялся ходить по обширному кабинету. — Наглости у вас хоть отбавляй, да-да наглости! Вы с грубой окровенностью судите об общепринятых правилах, для вас ничего не стоит раскритиковать любое дело, любого человека. Вам только подай фактик, вы его обсосете, заострите, вы...

— Довольно, — прервал его Яценко. —

Стыдно слушать такое от секретаря райкома партии, от старого коммуниста.— Ященко встал, подошел к стулу, стоявшему около приставного стола, и взялся за его спинку. Пальцы подрагивали. — Я не стану тебе объяснять назначение советского журналиста, ты это сам, Дмитрий Павлович, не хуже меня знаешь, но скажу: в последнее время к руководству пришли новые люди, молодые. Они внесли свежую струю в жизнь партийных организаций, по-иному подходят к решению сложных вопросов нашей работы, а твоя... Меринов не выдержал.

— Все ясно, зубодробительная статья готова,— с нескрываемой злобной иронией произнес Дмитрий Павлович.— Но не так легко ее тиснуть в газету. От твоей статьи несет демагогией, да-с демагогией.

— Ты ошибаешься, Митя, смягчаясь, возразил Ященко.— Нет, я не собираюсь писать в газету, а высказал тебе лично с глазу на глаз, как другу. Если ты считаешь, я неправ — твоя воля. Но я должен был сказать то, что думаю.

Оба усаелись на диван. В кабинете стало тихо. Ященко повернулся к Меринову:

— Жаль мне тебя, Митя. У тебя, что, притупилась острота, партийное чутье?

Меринов удивленно уставился на Ященко.

— Ты к чему это, Петро? Ты давай, договаривай...

— Ты сам-то хоть с Гринько беседовал перед бюро?

— Зачем?.. Фенев проверил, я ему верю.

— Это хорошо, что веришь и должен верить, иначе работать вместе незачем. Однако ты — первый секретарь, а Гринько, как это тебе сказать, он у тебя, что разведчик на переднем крае. Может быть, он этой беседы с тобой ждал, а ты...

— Хватит, Петро, об этом, а то мы окончательно разругаемся.

— Пожалуй, ты прав.

Меринов глянул на часы.

— Петька, мы пропали. Начало восьмого. Бегом домой, а то попадет мне от Лиды не

меньше, чем от тебя.

6.

Полно людей возле правления колхоза. Кто только не пришел сюда. Да и то сказать — не часто бывают собрания, на которых снимают секретаря партийной организации.

— Выгонят нашего,—не обращаясь ни к кому, выдал два слова старый колхозник и снова цедит сквозь редкие зубы табачный дым, пускает его в белую, с рыжеватыми подпалинами, бороду.

— Да за що же? — круглолицая молодайка наклоняется к самому лицу старика.

— То начальству виднее,— старик сплевывает сигарку, вдавливая ее в землю носком сапога с присохшими комьями грязи.

Мягко шурша шинами, к правлению подкатил райкомовский «газик». Хлопнула дверца, вылез Меринов. Поздоровался с колхозниками и сразу же прошел в здание правления. Вместе с ним приехал Фенев, Щекин, Ященко.

Из толпы понеслись голоса:

— Сам приехал, да не один, а с помощниками!

— А длинный дядька откуда? Что-то я его не примечал.

— Говорят из газеты...

Все было обычно. Избрали президиум, установили регламент. Первое слово предоставили Меринову.

Дмитрий Павлович зачем-то переставил на столе с места на место графин и стакан, глухо откашлялся.

— Товарищи!— начал он.— Бюро райкома поручило мне довести до сведения коммунистов колхоза, что секретарь вашей партийной организации Гринько от занимаемой должности освобожден.

Послышался чей-то вздох, женский голос ахнул, в глубине зала кто-то произнес:

— Вот так пироги...

Меринов привел факты, послужившие причиной для такого решения. Закончив свое выступление, Дмитрий Павлович не вернулся в зал, а опустился на свободный стул в пре-

зидиуме.

— Просьба к коммунистам высказаться по затронутому вопросу, — председательствующий поднялся за столом президиума, окинул взглядом зал. — Может быть, послушаем Гринько?

— А чего его слушать? — раздался голоса,

— Все понятно!

— Ваше право, — развел руками председательствующий.

— Прошу слова, — Дементьев слегка приподнялся.

— Давай, Иван Кузьмич, для почину.

Дементьев степенно, не спеша подошел к столу президиума, провел рукой от лба до затылка, приглаживая редковатые, словно» присыпанные изморозью, волосы.

— Так, — кашлянул. — Зря отказываемся послушать нашего Гринько. Пускай он бы рассказал, как собирался с землей играть. Страна говорит, что надо больше зерна, а куда нас нацеливает Гринько? Пусть поделится своими планами, как думал нами командовать с глубоких тылов. Ишь ты — для детей школы нет, для жены работы нет, то, се, пятое-десятое. — Дементьев с каждым словом все больше раскалялся. — А наши дети как? Почему наши могут, а его не могут? Нет, дети тут не загвоздка. Испугался трудностей, дорогой товарищ. Гринько, а когда пришлось держать ответ, поджилки затряслись, за детей и жену стал прятаться. Не выйдет! — Иван Кузьмич поднял над головой руку и сердито помахал указательным пальцем, еще раз повторил: — Не выйдет! Правильно бюро решило — не секретарь он, вот и весь сказ!

— Сказ-то весь, да только весь он твой, — чья-то реплика проводила Дементьева на место.

— А ты выйди да свое скажи перед народом, а не в тайном углу, — огрызнулся бригадир.

— И выйду, и скажу. Дозволь, председательствующий! — Из заднего ряда поднялся мужчина в застиранной солдатской гимнастерке.

— Давай, проходи.

— Кто это? — Яценко нагнулся с сидящему рядом колхознику.

— Конюх, Доронин Николай.

А Доронин уже пробрался к президиуму.

— Что же это получается, товарищи? — конюх окинул ожидающим взглядом всех, начиная от Меринова и кончая колхозниками, сидящими в глубине зала. — Что же это получается? — повторил он. — Начальство путает, а мы тут должны распутывать.

— Вы осторожнее с выражениями, — недовольно пробасил Меринов.

— Не бойтесь, товарищ секретарь, — мата не будет и перебивать меня не надо, это нехорошо, не по-нонешнему.

— Да нет, говорите, говорите, — смутился Дмитрий Павлович.

— Вот я и говорю — начальство путает, а мы распутываем. Месяц, как мы переизбрали Гринько секретарем. Говорили о многом, и о том, что структура посевных площадей не совершенна. Гринько внес предложение насчет структуры, все наше собрание приняло. Причем же тогда Гринько? Правда, нашелся супротивник — Губасов. Ему бы надо было первым предложить такое, а он, прямо сказать, прохлопал. И начал писать кляузы.

Гул прошел по залу. Нельзя было понять — то ли одобряют коммунисты выступление Доронина, то ли негодуют.

— Почему же так получается? А потому, что не привыкли вы, товарищ Меринов, с мнением людей считаться. Думаете, что можно вертеть и так и сяк. А ваши помощники с вас пример берут. Вот взять товарища Фенева. Приехал решать судьбу человека, чистоту его партийности определять. Тут полезно было бы не только врозь с рядовыми коммунистами потолковать, а, может быть, и собрание провести, послушать, что люди скажут. Но что ему люди? Крутанулся у правления — только его и видели. Даже сейчас, Дмитрий Павлович, вы ни во что ставите мнение колхозных коммунистов. Мы вас, товарищ Меринов, в президиум не выбирали, а вы присели там.

В зале прошелестел смешок.

— А теперь мой сказ,— Доронин провел, языком по пересохшим губам. — В обиду Гринько не дадим!

Кто-то хлопнул в ладони и, словно испугавшись своей смелости, затих. Но следом раздались хлопки с разных сторон.

— Дайте мне слово!— послышался девичий голос. К столу президиума проталкивалась Тамара Дементьева, дочь бригадира.

— Неправильно вы говорите, дядя Николай,— от волнения у нее перехватило горло.— Я молодой кандидат партии. А с кого же мне пример брать, если секретарь идет вразрез с директивами? Могу ли я учиться у такого секретаря? Конечно, нет. И правильно решило бюро райкома. Мы только спасибо должны сказать, что нам своевременно подсказали.

Какая-то звенящая тишина провожала Тамару на место. И никто не заметил, как у стола президиума оказался бригадир Крамов Сергей Степанович, низкорослый мужчина, лет пятидесяти.

— С чужого голоса речь повела, девонька. Нехорошо, Иван Кузьмич,— повернулся он к Дементьеву,— это твое мнение, твой голос у дочки.

— У нее свой ум,— окрысился Дементьев.

— Ум-то, может быть, и свой, а закваска твоя. Дорого ей в жизни придется расплачиваться за эту закваску. На отчетно-выборном ни одного голоса против Гринько не было. Значит, и ты голосовал «за». Почему? Директивы начальства не было снять Гринько. А теперь директива есть, и ты голосуешь «против». Так когда же ты честно, по-партийному поступал? На отчетно-выборном или сейчас? Не надо отвечать,— Крамов сделал отстраняющее движение рукой,— ответишь перед своей совестью. У меня вот о чем речь, товарищ Меринов. Вы тут разнесли Гринько, что не переехал в новый агрогородок. А партийная организация и правление колхоза решили переселить сюда в первую очередь доярок и скотников. Почему? Потому, что сюда переводим молочную ферму и мы считаем— жилье предоставить в первую очередь животноводам. Правильно? По-моему, правильно. Я

голосовал за это как член бюро нашей парт-организации и как член правления. Так причем же здесь Гринько?

— Я... я хочу словцо сказать,— дородная молодайка в пуховой шали подошла к столу президиума.— Люди добрые, не стану говорить, может или не может быть Гринько секретарем, я один случай расскажу вам, а уж вы потом судите. Фамилия моя Кривенко, зовут Любовь Ивановна, работаю в огородной бригаде. Дочка есть у меня, Зиночка, дочка семи лет. Лежала она в больнице, аж в области. Вылечили ее, выписали, а мы с мужем узнали об этом только вечером. Сюда-туда, где взять машину? Автобусы прошли. Поедем, как-нибудь одну ночь перебудем в больнице, не выгонят. Хоть и успокаиваю себя, а сердце болит... И вдруг, вечером, возле окон шум. Машина подъехала. Смотрю, Гринько выходит, и дочка из машины выскакивает. Оказывается, что наш секретарь был в области, узнал, что Зиночку выписали, и забрал ее с собой. Да не просто забрал, закутал в свое пальто, чтобы не простыла, гостинцев ей накупил...— Голос у женщины дрогнул, но, справившись с волнением, она заговорила.— Вот такой наш Гринько. Спасибо ему!

Теперь аплодировали многие. Меринов резко поднялся.

— Товарищи, мы обсуждаем серьезный вопрос, а у нас какие-то сентиментальности. Да и выступления коммунистов скорей походят на круговую поруку, чем на...— он сделал паузу, стараясь подобрать слово, но, так и не найдя его, обратился к председательствующему. — А вы ведите собрание как полагается.

Тот ничего не успел ответить, как раздался голос Безбородько.

— Напрасно, Дмитрий Павлович, гневаетесь, напрасно: никакой круговой поруки. Прошу слова!

— Давай, Сергей Платонович.

— Некрасивая, очень некрасивая история получается. Мы,— он положил руку на сердце, — все для партии, жизнь отдадим, если надо. Вот мы и хотим, чтобы эта земля служила не для цифры в сводке,

а чтобы озолотила людей. Поэтому так и решили. Мы все, товарищ Меринов, все коммунисты, все колхозники, а не один Гринько. Нельзя больше так хозяйствовать на земле, словно завтрашнего дня у нас не будет. Собран сегодня урожай, отчитался, цифру поставил в отчете, а там хоть потоп. Да не будьте няньками! Не дети же мы. Не учите нас, где и как и что сеять. Дайте нам самим повести дело так, чтобы зерна было вдоволь и государству и нам. А насчет переезда в агрогородок — так это мыльный пузырь.

— Точно, Платонович, мыльный,— засмеялся Доронин.

— Прошу без шуток!— постучал по столу карандашом председательствующий.

— Уж очень вы смело, в данный момент, даете определения, товарищ Безбородько,— удивленно развел руками Меринов.

— Потому, что уверен.

— Вот и объясните коммунистам свою, так называемую уверенность.

— Объясняю, Дмитрий Павлович. В прошлом году впервые избрали Гринько секретарем. На центральной колхозной усадьбе квартиры не нашлось. Вынужден был поехать в отдаленную бригаду, где оказался незанятый домик. Для этого ему пришлось отправить детей к старикам, так как в бригаде только четырехлетняя школа, а сыновья его ходят в седьмой и восьмой класс. Жена его, экономист с высшим образованием, осталась без работы. И тогда почему-то в райкоме, да и не только в райкоме, но и у нас в парторганизации посчитали, что так нельзя. Дети живут где-то, отец где-то, женщина осталась без работы. Почему же мы тогда не стали все это обсуждать? Почему не забили тревогу? А теперь, когда семья собралась вместе, когда жена Гринько работает по специальности, когда отец следит за тем, как растут дети, за воспитание которых он отвечает перед партией, мы начинаем ковыряться, а нет ли тут какой-нибудь крамолы? Чего это вдруг у секретаря и приличная квартира, и обед вовремя, и живет он по-человечески? Зачем ему так жить? Не годится. Надо ему ехать в недостроенный агрогородок, оставить опять детей, так как там школы нет, пусть

жена оставляет работу... Создать ему трудности, пусть он преодолевает.

— Так вы что, товарищ Безбородько, в данный момент, хотите так и без трудностей прожить? — скривил губы в иронической улыбке Меринов. — Легонькой дорожкой, этакой проторенной в коммунизм пройти?

— Трудностей не боюсь, Дмитрий Павлович. Вы-то меня знаете. Но я против искусственно создаваемых трудностей.

— Так пусть едет туда и ускорит работу, — вставил Меринов, — а иначе вы будете строить до второго пришествия. Кто, как не секретарь, должен показать пример?

— Не прораб он у нас, а партийный секретарь, а это не одно и то же. А потом что ускорять? Все идет по плану. Строители сдадут весной все комплексно. Вы, Дмитрий Павлович, не подумайте, что мы своего секретаря представляем вам этаким сладким куличом, что лизнуть даже хочется. Есть у него и ошибки, и промахи, за которые мы с него не один пот согнали на отчетно-выборном. Но напраслину на человека возводить не дадим, мнением партийной организации швыряться, как ненужной бумажкой, не позволим. Партийный билет,— Сергей Платонович опять положил руку на левую половину груди, — у каждого против сердца лежит. А теперь у меня два слова к тебе, Дементьев. Иван Кузьмич, посмотри на себя со стороны, по кривой стежке идешь и дочь за собой тащишь. Ты упрекнул Гринько, что его дети избалованы, поэтому, мол, в селе жить не могут, их, видишь ли, в районный центр тянет. Так чего же ты свою Тамару после десяти классов на ферму не пустил, а секретарем-машинисткой пристроил в правлении?.. Молчишь? А хозяйство личное ты какое раздул? Кубликов пригреваешь? Да ладно, не буду больше о тебе говорить, много чести. А так у меня все. Вношу предложение — оставить Гринько секретарем.

— Кто еще просит слово? — поднялся председательствующий.

— Хватит!

— Сколько можно!

— Понятно!

— Голосуй!

— Есть два предложения. Первое — освободить Гринько от обязанностей секретаря, второе — оставить. Кто за первое?

Рванул руку вверх Дементьев, скосив взгляд на зал. Там нерешительно поднялось две, три руки, потом одна упала.

— Та-а-ак,— протянул председательствующий.

— Кто за второе предложение?

Взметнулись десятки рук.

... Казалось, земли нет под ногами, да и ноги какие-то ватные. Не глядя на людей, шел Меринов.

За ним Яценко.

— Ну, Петро... Видел, что получилось?..

— Этого следовало ждать... Мда-а...
Писать будешь?

— Буду. Не хочу, чтобы были такие собрания, да и другие секретари, прочитав о тебе, задумаются.

— Ну, что ж, возможно, ты и прав. Ты, как всегда, прямой до резкости.

— По-моему, тебе утешения сейчас ни к чему.

— Что ты, какие утешения. За утешения морду бы под горячую руку набил...

Меринов слегка коснулся плеча Яценко, что-то еще хотел сказать, вдруг знакомый голос окликнул:

— Митя?..

— Лида? Чего ты здесь?

— Жду тебя.

— Тяжко мне, Лида.

— Знаю, но хочу верить, что на пользу.

— Спасибо.

— Тебе надо вернуться сейчас к Гринько, к Зулкарнаеву потолковать и посоветоваться с ними.

Меринов пристально посмотрел на жену, словно видя ее впервые.

— Пожалуй... ты права.

Прикубанский район, 1965 г.